

ПЕРВАЯ ПЕТЛЯ.

РАЗСКАЗЪ.

(Окончаніе ¹⁾).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Вавель Петровичъ сидѣлъ у окна. Темнота ранняго вечера уплотнялась съ каждой минутой. Черезъ проломъ черепитчатой крыши онъ безразлично глядѣлъ въ черный зѣвъ чердака, пока всюду не сдѣлалось черно. Тишина могильнаго склепа властно-давящею тяжестью осѣла вокругъ, чуть-чуть нарушаясь журчаніемъ надавшихъ съ крышъ тонкихъ струекъ воды; да изрѣдка случайно сорвавшемуся откуда-то вѣтру удавалось въ сильномъ порывѣ сокрушить на минуту тонкое сито дождя и, для разнообразія, шумомъ настоящаго ливня наполнить мертвое царство.

— Нѣтъ, нужно встряхнуться! Нужно встряхнуться!—произнесъ онъ почти вслухъ и, вставъ отъ окна, прошелся изъ угла въ уголь по мрачному номеру.

Зажегъ на столѣ свѣчку и опустилсѣ возлѣ на стуль. Передъ нимъ лежалъ листъ почтовой бумаги, на которомъ давнымъ-давно ужъ засохло: «Милая мамочка!» а дальше ни слова.

— Нужно встряхнуться!—еще тверже рѣшилъ онъ опять и храбро схватилъ перо въ руку.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 11.

«Сегодня я благополучно добрался до мѣста, а потому считаю...»—однимъ махомъ продолжилъ Важинъ письмо, но въ мысляхъ получилась загвоздка, и листъ былъ уничтоженъ немедленно.

— Не такъ!

Взявъ чистой бумаги, вывелъ на ней обращеніе къ мамочкѣ, подумалъ немного, поставилъ сверху число и названіе города, опять подумалъ, закурилъ нехотя, бросилъ папиросу въ окно и спѣшно набросалъ неуклюжія фразы: «Спѣшу порадовать тебя. Сегодня я благополучно прибылъ въ О. Онъ, правда, небольшой городокъ, но въ немъ мнѣ...»

Подъ гнетомъ всего, въ высшей степени нуднаго, тупо ныла душа, въ сердцѣ, просясь выйти наружу, шевелились стоны и тускляя боль, мозги не работали вовсе, и рука, какъ бы сама по себѣ, выражала все это въ письмѣ, повторяя одно короткое слово: «скучно, скучно, скучно...» множество разъ.

И упалъ онъ, печальный и слабый, головою на столъ.

Постучалъ кто-то.

— Войдите,—уронилъ Павелъ Петровичъ обычное слово и повернулся къ двери.

Тамъ въ полумракѣ уже чернѣла фигура вошедшаго человѣка довольно высокаго роста.

— Виноватъ, норучикъ!—раздался при этомъ увѣсистой басъ.— Простите, что врываюсь непрошенный.

— Пожалуйста,—безразлично протянулъ еще не пришедшій въ себя молодой подпоручикъ и поднялся навстрѣчу.

— Позвольте, первымъ долгомъ, представиться вамъ,—продолжалъ тотъ же увѣсистой басъ, подойдя къ самому Важину:—отставной штабсъ-ротмистръ фонъ-Шаренбергъ.

— Очень пріятно.

Хозяинъ протянулъ гостю руку и тихо назвалъ. Тотъ схватилъ ее въ свою широкую, довольно мягкую и потную лапу и, потрясая съ явной развязностью, гремѣлъ безъ умолку:

— При такой громкой фамиліи баронскаго титула не ношу. Служилъ въ конной гвардіи, на невскихъ берегахъ, въ большомъ свѣтѣ столицы былъ когда-то свой человѣкъ. Въ-время бросилъ все это, такъ сказать, пренебрегъ мишурой призрачной жизни и скромнымъ помѣщикомъ осѣлъ на землѣ...

Точно внезапною силою библейской трубы, оглушило Павла Петровича голосовое богатство отставного штабсъ-ротмистра, и онъ не зналъ первыхъ двѣ-три минуты, что ему дѣлать. Но гость, оче-

видно, не очень стѣснился такимъ обстоятельствомъ, потому что продолжалъ удлинять громъ тирады своей все больше и больше, а когда кончилъ, чтобы перевести духъ, Важинъ нашелся спросить, чѣмъ можетъ служить своему посѣтителю и пригласилъ его сѣсть.

Фонъ-Шаренбергъ угловато шаркнулъ ногой и, выждавъ приличный моментъ, погрузился въ мягкость подобія кресла, звенящую сталью старыхъ пружинъ.

— Гонимый мракомъ и тоской, къ тебѣ—о, юность! я явился,—чувствительно продекламировалъ онъ.—Это, поручикъ,—начало строфы изъ чего-то, въ родѣ поэмы, чѣмъ въ незабвенные годы разсвѣта своихъ жизни и силъ я любилъ трусливо пачкать бумагу. Сейчасъ потому вспомнилъ эту звучную фразу, что она какъ-разъ можетъ служить моимъ точнымъ отвѣтомъ на вашъ любезный вопросъ. Я, видите-ли, случайно нахожусь въ здѣшней дырѣ по дѣламъ одного изъ своихъ южныхъ имѣній. Вторья сутки прозябаю въ грязныхъ стѣнахъ этой проклятой гостиницы. Знакомствъ, какъ на грѣхъ, никакихъ абсолютно. Сидѣль, сидѣль сейчасъ въ своемъ номерѣ: уныніе, мерзость, мертвая тишина и все это,—выражаясь въ писательскомъ стилѣ,—на фонѣ осенняго дождика въ непроглядную ночь... Хоть волкомъ вой, изнывая въ такой обстановкѣ. Читалъ, отравлялся поминутно гаванной, глумилъ, забавляясь пасьянсомъ и не вытерпѣлъ подъ конецъ—взялъ за бока содержателя: «Говори, бестія, кто есть изъ жильцовъ интересный? Говори, а то сію минуту повѣшусь! Струсилъ еврей и назвалъ вашу фамилію. Ну, и пришелъ къ вамъ убить скуку-злодѣйку.

— Я очень радъ... Мнѣ самому... Курите, пожалуйста!... Я очень радъ.

Они закурили.

— Ваше имя-отчество?

— Павелъ Петровичъ.

Солидно молчали.

— Что начертаніемъ писемъ на родину пробавлялись, хе-хе? Это полезно съ финансовой точки, хе-хе...

— Да, написалъ нѣсколько... Нужно же порадовать... успокоить нужно же, какъ доѣхалъ, какъ что,—краснѣя, сказалъ въ отвѣтъ ему Важинъ и поспѣшно сталъ убирать со стола всѣ листы почтовой бумаги, на одномъ изъ которыхъ по-прежнему одиноко стояла «милая мамочка».

— Я, собственно говоря, поджидаю къ себѣ съ часу-на-часъ двухъ своихъ закадычныхъ пріятелей, но, видно, не пріѣдутъ въ

такую погоду. А то бы мы—охъ, какъ провели времячко!—забасилъ тѣмъ временемъ гость. Вотъ, батенька, люди, такъ люди—воплощенный разгулъ и веселье! Одинъ—инженеръ, управляющій фабрикой, а другой по лѣсной части крупное дѣло имѣеть... Не спроси незнающій ихъ—кто вы такіе?—не скажутъ. Ей-Богу, не скажутъ! Или такими некультурными тупицами на удивленіе ловко прикинутся, что взгляни на того, на другого—хулиганъ-хулиганомъ...

— Странно. Что же за цѣль имъ такъ невыгодно для себя притворяться?—усмѣхнулся Павелъ Петровичъ.

— Ха-ха! не выгодно... Значить, выгодно... Мы, говорятъ они, не хотимъ жить вѣкъ цѣлый внатяжку и поступать изо дня въ день по шаблону, по рецептамъ всюда задающей свой тонъ интеллигенціи. Дайте, говорятъ они, намъ изрѣдка и такъ пожить вечеръ-другой, какъ живетъ нашъ сѣрый плебей—мужикъ, фабричный рабочій и т. д.

— Да какая же выгода въ томъ? Я не нахожу.

— Положа руку на сердце, и я не нахожу,—какъ-то неловко сознался бывшій «гвардеецъ»—но вотъ подите же, нравится людямъ валять дурака... За то взгляните на нихъ въ обыкновенное время—о-ё-ёй, что за головы!... Труды одного на восьми выставкахъ побывали и—первая премія, первая награда, первый дипломъ, а отзывы, отзывы!... Другой—на сем-над-цать дорогъ поставку строительныхъ матеріаловъ везетъ и изъ года въ годъ—ни одного вершка браку!.. Дѣло вѣстимое, ордена и всякія привилегіи сыплются на него, какъ изъ щедраго рога... Душевно желалъ бы познакомиться васъ съ ними. Есть у меня чувство, что они хоть въ полночь, а должны сегодня ко мнѣ прикатить: давно не видались да и телеграму получилъ отъ нихъ утромъ... Подождите ка, гдѣ жъ это она? Фонъ-Шаренбергъ порылся въ карманахъ.

— Въ номерѣ, въ другомъ костюмѣ оставилъ... Сообщаютъ—жди непременно, живые или мертвые—будемъ! Да. Интересный народецъ, смѣю увѣрить. Хотя...

— Что хотя?—поинтересовался Павелъ Петровичъ, когда прошла минутная пауза.

— Да то. . Можетъ быть, вы—красная дѣвица въ офицерскомъ мундирѣ? А? Тогда слѣдуетъ сберечь вашу невинность. Потому—глядишь, слово какое услышите, что неприятно рѣзанетъ ваше ушко институтское, оскорбитъ, гнетикомъ ляжетъ на нѣжное сердце, анекдотъ изъ пикантныхъ сюжетовъ, но главное—могутъ пристать, что-

бы вы не ударили лицомъ въ грязь, не осрамили погоновъ и рюмку-другую вина для компаніи выпили. Нѣтъ, ужъ лучше пощажу ваши зеленые годы, хе-хе!...

Большой и указательный палецъ правой руки машинально проšliсь по тому мѣсту на верхней губѣ Павла Петровича, гдѣ имъ предполагались усы. Но онъ не нашелся, что возразить отставному штабсъ-ротмистру, покраснѣлъ и смүтился ужасно.

— Ну, ничего, ничего—не смущайтесь, ха-ха! Вижу, что невольно задѣлъ васъ за живое. Простите, Павелъ Петровичъ, великодушно простите. Я дуэлей страшно боюсь, а потому слова свои обратно беру. Беру съ удовольствіемъ еще и потому, что съ первой минуты знакомства понялъ, съ кѣмъ дѣло имѣю, хе-хе! Охъ, эти тихони! Держится, держится, а потомъ-вишь, какъ глаза засверкали!

Говорившій хитро прищурился, раза два подмигнулъ и, въ порывѣ какого-то чувства, похлопалъ Важина по плечу.

— Слушайте, господинъ, фонъ.. фонъ...—не выдержалъ тотъ уже ежесекундно готовый вспылить.

— Руку вашу, Павелъ Петровичъ! Вашу геройскую руку! Вотъ такъ!—вдругъ, воскликнулъ помѣщикъ, явно предупреждая возможность чего-либо, въ родѣ скандала.

И онъ, точно въ восторгѣ, схватилъ и началъ трясти руку Важина.

— Люблю джентльмэна въ азартѣ, ха-ха! Люблю, какъ честный человѣкъ, увѣряю, ха-ха!

— Меня крайне удивляетъ, господинъ фонъ-Шаренбергъ, ваша неумѣстная...

— Ахъ, да плюньте же, дорогой Павелъ Петровичъ, на все! Клянусь честью потомковъ, испытанія ради, рискнулъ легонечко тронуть эту струну вашей благородной натуры. Не могу, хоть убей—не могу сойтись съ человѣкомъ и стать истиннымъ другомъ ему, пока не провѣрю, каковъ его градусъ крови и какого калибра сидитъ въ немъ джентльмэнъ...

Черезъ минуту-другую отставной «конно-гвардеецъ» уже подскочилъ къ двери номера и, пріоткрывши ее, оралъ въ коридоръ:

— Гей, кельнеръ! лакей! ча-экъ!... Кто есть въ живыхъ, разбей васъ тысячи громовъ?!

— По лѣстницѣ съ чердака съ грохотомъ скатился къ нему рыжій еврейчикъ.

— Заснули, каналы! Почему звонковъ нѣтъ?

— Кого нѣтъ? Кого пану нужно?

— Звонковъ почему нѣтъ, идиотъ? Приходится надсаживать грудь. Скажи моментально заморозить полдюжины «редереръ», миндаля при немъ, чтобы не пареный былъ, а хрустѣлъ на зубахъ, какъ конфетка,—рожи, иначе, побью!

Еврейчикъ недоумѣнно захлопалъ глазами.

— Ну, живо! Чего же ты мнешься? Иди!

— Никакъ я не знаю, за что панъ ругается такъ непонятно и куда онъ посылаетъ меня,—сжимаясь въ комокъ, лепеталъ рыжій прислужникъ.

— Тогда зачѣмъ же ты, бестія, явился ко мнѣ? За-чѣмъ ты я-вил-ся ко мнѣ? Пшелъ приведи содержателя! Гыхъ!!

И непонявшій ругани полетѣлъ отъ пинка фона турманомъ кверху.

Пришелъ рябой хозяинъ гостиницы. Черезъ четверть часа крѣпчайшей брани, сердитый помѣщикъ согласился на то, что вмѣсто ледяного шампанскаго съ поджаренымъ миндалемъ, ему добудутъ иныхъ какихъ-то очень замѣчательныхъ винъ.

На столѣ появился дешевый коньякъ, немного избытыхъ настоекъ и бутылки двѣ-три мутной кислятины съ этикетками, на которыхъ были написаны по-французски названія ароматныхъ нитей.

ГЛАВА IX.

Павелъ Петровичъ захмелѣлъ быстро и сильно. Казалось ему, что фопъ-Шаренбергъ благодушно говоритъ съ нимъ откуда-то сверху; голосъ мягкій, пріятный; все пространство межъ ними задернуто дымкой, въ которой, вперегонку съ кругами зеленоватаго цвѣта, безшумно бѣгутъ другъ за другомъ нескончаемымъ рядомъ и прыгаютъ: стулья, кресло, подсвѣчникъ, бутылки... Стѣны то уходятъ далеко въ пространство, то, стоя на мѣстѣ, начинаютъ заодно съ потолкомъ рушиться, падать.

Дотолѣ удручавшая тяжесть душевная изъ груди перемѣстилась въ мозги и изгнала оттуда способность долго думать о чемъ бы то ни было, вести связную рѣчь и отличать абсурды отъ истины. Голова, правда, стала при этомъ непонятно-чужой, до ломоты

въ затылкѣ и до боли въ вискахъ налитую свинцомъ, но... на сердцѣ было такъ весело, такъ хотѣлось смѣяться, дурить, и такой этотъ Шаренбергъ симпатичный, добродушный, острякъ...

— Слушай, Поль, зови меня—Вова,—просилъ нѣжнымъ голосомъ «конно-гвардеецъ», когда они «хватили на ты» и поцѣловали другъ друга въ пьяныя губы.

— Во-ва, Во-ва-а,—тянулъ ни къ чему Важинь.—Во-во-чка-а, ха-ха!...

— Ахъ, чесноковая шельма, какую онъ дрянью насъ надѣлилъ,—рычалъ новый другъ офицера, смакуя мутный стаканъ.— Ну, да ничего, милый Поль,—пріѣдешь ко мнѣ въ родовые Курганы, мы заднимъ числомъ справимъ нынѣшній вечеръ. Для тебя, даю слово, не стѣсняясь сорву печать съ завѣтной двери двухсотлѣтняго погреба. Во, гдѣ выборъ, богатство букета! во гдѣ—волшебная старина! что ни бутылка, то, клянусь, сотня, даже больше, рублей!.. У меня и еще есть, такъ сказать, расхожіе погреба, какихъ, не хвалясь, во всей-то Россіи—разъ, два, да и обчелся, но тотъ, тотъ... При покойникѣ дѣдѣ,—онъ былъ раньше посланникомъ, а послѣ—министромъ двора. Охъ, Поль, ты не смѣйся, я плачу.

— Вова!.. Ну, Вова! зачѣмъ же того... Зачѣмъ же ты... Ну, какъ это называется... плачешь? Ну, государь, ну, министръ и пускай... и пускай,—смѣшно утѣшалъ Важинь.

— Какъ же не плакать? Какъ же не плакать? Скажи, Поль, скажи!.. Я внукъ такого знаменитаго дѣда, у котораго гостили цари, вдругъ, попалъ въ такую трущобу, гдѣ не могу достать ничего, кромѣ этой бурды, чтобы угостить своего лучшаго друга...

Потомъ они вновь цѣловались, пили дешевый коньякъ и бурду опять цѣловались и пили.

Павель Петровичъ переживалъ все, какъ во снѣ. Смутно сознавалъ онъ, что дѣлаетъ что-то неладное, къ чему въ душѣ не имѣлъ никогда ни малѣйшей склонности, но какъ во снѣ же считалъ, что то—такъ должно и не прикладывалъ силъ и воли остановиться, а тѣмъ болѣе, подумать о томъ—что будетъ дальше? къ чему все поведетъ?

Видѣлъ, какъ въ номеръ вошли два какихъ то субъекта. Подошли къ столу-грязные; отъ нихъ разило махоркой. На моментъ мелькнуло, не оставляя, однако, слѣда, подозрѣніе; хотѣлось спросить—кто такіе? зачѣмъ? выгнать всѣхъ. Слышалъ, какъ Шаренбергъ произнесъ: «Нагрузился мальченка—«мама» не можетъ

сказать». Кто-то подло хихикалъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ за руку поздоровался съ ними. Увѣрилъ себя, что одинъ — дѣйствительно, инженеръ, а другой ведетъ подряды на семнадцать дорогъ.

— Ни одного вершка браку, здорово!—и онъ хохоталъ:—здорово!

Ему хотѣлось казаться не пьянымъ и быть развязнѣе всѣхъ.

— Я хозяинъ! Я угощаю васъ всѣхъ, ха-ха! Я...

Выпилъ со всѣми «на ты».

— Какія мокрыя губы, но совсѣмъ не противно...

По настоянію «инженера», требовалъ у еврея еще выпивки и какъ можно больше ѣды. Хоромъ пѣли »Не осеній мелкій дождичекъ«. Когда пѣли, онъ плакалъ, а потомъ увѣрялъ, что обязательно или уйдетъ изъ полка, или махнетъ въ академію, чтобы не служить въ О., гдѣ можно погибнуть.

— Слушайте, господа!.. Господа!.. Я хочу сказать изъ... ну, какъ это... изъ провинціи хочу сказать... О, Салтыковъ! ты растлѣваешь... Нѣтъ не такъ началъ... Погодите... Ну, однимъ словомъ ужасное положеніе молодого человѣка... тина, лѣнь, ни завтра ни сегодня... И это вѣрно, а потому...

— Bravo, Поль, bravo! Ха-ха, ну, и намазался, поросенокъ!—кричалъ не стѣсняясь помѣщикъ, и прочіе хохотали.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Ни за что! Никогда я не буду играть... потому что далъ честное слово... Поймите—матери далъ честное слово. Не буду! Уйдите—не буду!—твердилъ онъ и то было легкое просвѣтленіе.

Долго негодяйскому тріо не удавалось соблазнить упрямаго юношу «поддержать меленькій штосикъ». Но.. все-таки поддержалъ. Онъ не помнилъ момента, въ который взялъ и поставилъ первую карту, забылъ, сколько времени длилась игра, не замѣтилъ, какъ раннее утро влилось въ накуранный, полный пьянаго дыханія номеръ и когда погасили огни.

Кто-то требовалъ, а кто-то подалъ самоваръ. Видѣлъ ясно, какъ Берта, гремя, вносила посуду, потомъ налила и подала ему чай. Чувствовалъ, что она стояла возлѣ него. Но все было—сонъ, все—тяжелый кошмаръ. Очнулся, когда Берта, вдругъ, схватила его за плечо и закричала удивительнымъ голосомъ:

— Ахъ, панъ офицеръ, не играйте вы съ ними! Не играйте, я видѣла, какъ та карта была въ рукавѣ, а потомъ...

— Я самъ видѣлъ! Я самъ видѣлъ!!—гаркнулъ не своимъ голо-
сомъ Павелъ Петровичъ, подхватился со стула и на отмашь хва-
тилъ рядомъ сидѣвшаго шулера въ ухо.

Ударъ былъ хлесткій и сильный настолько, что фонъ Шарен-
бергъ вмѣстѣ съ кресломъ грохнулся объ полъ, на лету взметнув-
ши ногами, поддалъ карточный столъ, и все загудѣло, точно отъ
взрыва брошенной бомбы.

Вонь! негодяи!!

И «инженеръ» летѣлъ уже кубаремъ къ двери.

Третій шуллеръ тѣмъ временемъ съ звѣрской злобой сшибъ
Берту къ ногамъ и саногамъ наносилъ ей пинки.

— Вотъ же, чертенокъ, тебѣ! на! Не лѣзь, гдѣ не надо. на!
получай!

— Ай, скорѣй, панъ! А-а-ай!—раздался неистовый вопль.

Павелъ Петровичъ обернулся туда, но не успѣлъ онъ сдѣлать
и шагу, какъ истязавшій еврейку бросилъ ее и съ поразительной
быстрою задавъ стрекача въ корридоръ.

— Слушай, Поль!—говорилъ Вова, подымаясь съ грязнаго по-
ла:—чего ради ты такъ взволновался.

Важинъ прошелся по немъ угрожающимъ взглядомъ.

— Ну, прошу же, дружокъ, успокойся!

— Ради Бога, уйди!

— Не нервничай, милый. — твердилъ Шаренбергъ и, переставъ
массировать пострадавшій участокъ лица, опасно протянулъ къ
Важину руки:—давай забудемъ эту глупую карту и опять станемъ
друзьями. Кстати, выяснимъ запись, чтобы ты могъ расчитаться.

— Я безъ записи помню!..

Поль ринулся къ Вовѣ. Вова струсиль его по истинѣ страш-
наго вида и моментально сыгралъ отступленіе къ двери.

— Ну-ка, скажи еще слово!

Помѣщикъ нырнулъ въ корридоръ. Важинъ кинулся къ стону-
щей Бертѣ.

— Поль, ты мнѣ долженъ по записи шестьсотъ пятьдесятъ, неужели не будешь порядочнымъ?..—кричалъ недавній помѣщикъ въ
чуть-чуть пріоткрытую дверь.

— Опять?!

Дверь моментально закрылась...

— Заплати за все хоть десять рублей! Не жадничай, Поль!—
басилъ опять Шаренбергъ.

— Ну, погоди жъ! — произнесъ Павелъ Петровичъ, а самъ, между тѣмъ, поспѣшно сталъ хлопотать возлѣ Берты: онъ приподнялъ ее и усадилъ въ кресло.

— Ей Богу, мнѣ меньше всѣхъ наличными досталось. А, Поль!.. Дай хоть пятерикъ!..

И Вова рискнулъ даже изъ дверей немного просунуться въ номеръ. Важинъ подавалъ воду избитой.

— Не дашь?.. Пожалѣешь же—помни!..

Берта перестала стонать и потеряла сознание. Занятый ею, Павелъ Петровичъ слышалъ, какъ послѣдній разъ хлопнула дверь и какъ помѣщичій басъ кричалъ что то уже въ корридорѣ.

— Нужно позвать кого-нибудь въ помощь,—можетъ, докторъ есть близко, сбѣгаютъ,—рѣшилъ онъ и хотѣлъ выйти изъ номера, но задержался, чтобы перенести впавшую въ обморокъ изъ неудобнаго кресла въ постель.

А фонъ-Шаренбергъ, подойдя къ лѣстницѣ на чердакъ, оралъ во все горло:

— Гей, публика! скорѣ сюда!! Скорѣ идите, кто есть,—вашу дѣвченку офицеръ до полусмерти избилъ!

— Сразу затопотало нѣсколько ногъ, и ватага евреевъ одинъ за другимъ быстро спустилась къ нему. Онъ объяснилъ имъ то, о чемъ кричалъ раньше и добавилъ:

— Валите всѣ разомъ, а то онъ, Богъ знаетъ, что надъ ней сдѣлаетъ—до того озвѣрѣлъ.

И въ тотъ моментъ, когда Павелъ Петровичъ уложилъ Берту въ постель, передъ нимъ выросла гнусная фигура рябого еврея.

— Ага, хорошо, что пришелъ,—тихо сказалъ онъ еврею:—обязательно доктора нужно.

— Ай, панъ, что онъ надѣлалъ!.. Что онъ надѣлалъ,—вдругъ завспилъ дядя Берты.

— Молчи, ради Бога, молчи! Видишь—обморокъ.

— Что молчи, что молчи?! О, зачѣмъ же такъ убивать чело-
вѣка?!—громче прежняго вопилъ жидъ.

Не владея собой, офицеръ круто перевернулъ его и съ такою силой швырнулъ вонъ за ширмы, что онъ полетѣлъ кубаремъ.

— Убирайся, если не можешь молчать!

— Уйду, ей Богу, уйду!

Обалдѣвшій еврей съ испугу бросился къ двери, но оттуда слышался голосъ:

— Слушай, Шмуль, зачего ты такъ убѣгаешь? Развѣ панъ можетъ такъ гнать?

Тутъ Павелъ Петровичъ замѣтилъ, что у входа въ открытую дверь толпились еще какіе-то люди.

— Развѣ онъ можетъ насъ гнать? Совсѣмъ онъ не долженъ такъ дѣлать, — орали въ толпѣ.

— И чего вы только кричите? Ей нуженъ покой, ей нужна помощь, за врачомъ пусть кто-нибудь сбѣгаетъ, — тщетно старался вразумить онъ евреевъ.

— Чего мы кричимъ? Ага! Чего кричимъ? Развѣ самъ панъ не знаетъ, какое дѣло онъ сдѣлалъ? не понимаетъ онъ, а? — постепенно приступая къ нему, заговорилъ опять рябой еврей.

Ошеломленный внезапною всего происшедшаго, Павелъ Петровичъ, какъ то вдругъ, потерялъ силы: словно въ лихорадкѣ колотило его; отъ жара внутри, пересохло во рту и съ болью заеклись губы; онъ хотѣлъ ругаться, кричать, схватить что-нибудь въ руки, выгнать всю эту араву, но не могъ: горло, точно клещами, перехватило силою спазмовъ, въ груди не хватало дыханія, а руки и ноги не хотѣли служить. Въ изнеможеніи онъ присѣлъ на первый попавшійся стулъ.

— Ай, какое страшное надѣлалъ панъ дѣло? У-ю-юй, у-ю-юй, какое ужасное дѣло! — потрясая руками, съ искусственнымъ трагизмомъ вопилъ, хозяинъ-еврей. — Бѣдная Берта, бѣдная Берта!

— Ахъ, какая бѣдная Берта! — выводили въ толпѣ.

— Посмотрите, скорѣй посмотрите, какъ она совсѣмъ почти умираетъ!

Вся ватага евреевъ отъ двери съ опаской придвинулась къ ширмамъ и припала глазами къ отверстиямъ въ нихъ. Невольно Павелъ Петровичъ перевелъ взглядъ свой въ сторону Берты. Она слабо открыла глаза, хотѣла что-то сказать, но, вмѣсто того, лишь чуть-чуть простионала и опять опустила тяжелыя вѣки.

Охватившая все существо Павла Петровича сильная слабость была, очевидно, замѣтна евреямъ: стаяй онаглѣвшихъ дворняжекъ, толпа ихъ все ближе и ближе приступала къ нему.

— И что же будетъ теперь? И какъ мыслить панъ это дѣло исправить? — со слезой въ голосѣ вопрошалъ дядя.

— Такое дѣло! Такое ужасное дѣло! — въ тонъ ему восклицалъ хоръ остальныхъ.

— Оставьте меня! — нѣсколько разъ просилъ Важинъ.

Но его ослабѣвшаго голоса никто не слыхалъ.

— Слышите?.. Уберите Бертю отсюда,—помогите ей чѣмъ-нибудь. Уберите и оставьте меня!—немного погодя, возвысилъ онъ ногу.

— О-го-го! какъ панъ говорить—уберите. Какъ онъ мыслить, что мы теперь оставимъ его. Нѣтъ, мы не оставимъ! Никогда не уйдемъ!—изо всѣхъ силъ горланила публика.

— Такъ избить честную панянку, и Богъ знаетъ что хотѣтъ надъ ней сдѣлать...

— Врешь! Врешь, негодяй!—задохнулся, пораженный страшною наглостію, Важинъ.

— И Богъ знаетъ, что хотѣтъ сдѣлать!.. Богъ знаетъ, что хотѣтъ сдѣлать!—стономъ стонала еврейская банда.

Павель Петровичъ приподнялся со стула, взявъ дядю Бертю за шиворотъ и началъ тряссти.

— Помолчи! помолчи минуточку, идиотъ! и я все разъясню по порядку.

— О, панъ офицеръ! зачѣмъ же такъ дѣлать, зачѣмъ же такъ можно?—дошелъ до фальцета рябой.

— Тьфу, анафема! дай же хоть слово сказать!

— У-ю-юй, у-ю-юй! зачѣмъ же такъ можно?—въ изступлении галдѣли прочіе истязатели.

Изъ боязни, что вотъ-вотъ расколется голова, онъ зажалъ ладонями уши и бросился къ открытому настежь окну. Жадно хватая уличный воздухъ, онъ хотѣлъ успокоиться, выждать, когда тѣ замолчатъ и потомъ ужъ или приступить къ объясненію съ ними, или энергично всѣхъ вышвырнуть вонъ.

— Ой, Боже мой, Боже! чего жъ панъ молча стоитъ, чего медлить? Зачѣмъ не хочеть скорѣе устроить, чтобы не былъ скандалъ?—выводилъ за спиной фальцетъ дяди.

— Скандалъ... такой большущій скандалъ!—дополняли дружный хоръ, подошедшій вслѣдъ за дядей къ окну.

И съ каждой минутой еврейское гоготаніе, вопли, крики и стоны росли все больше и больше, еще сильнѣе терзали слухъ Важина, возмущали душу и сердце. Поистинѣ, онъ казался безпомощнымъ, и это ихъ окрыляло, безпредѣльнѣе крѣпла ихъ наглость.

— Нѣтъ, подлецы, постой же, съ вами, видно, такъ ничего не подѣлаешь,—сказалъ про себя Павель Петровичъ.

Быстро подошелъ онъ къ вѣшалкѣ у дверей и вынулъ изъ кармана пальто блестящій револьверъ.

— А ну-ка, пикни какой!

Трудно описать ту перемѣну, какая произошла въ одинъ мигъ въ каждомъ еврей поголовно, лишь только опасное дуло оружія глянуло на ихъ банду изъ простертой руки офицера. Двое, укрывши лица полами длинныхъ одеждъ, попадали на полъ, точно громомъ сраженные; одинъ, собравшись въ комочекъ, присѣлъ за спинкою кресла; одинъ, повернувшись задомъ къ страшному пану, сталъ на корячки; какой то хотѣлъ изъ окна выпрыгнуть вонъ, но, хвativшись о край верхняго переплета, остался на мѣстѣ.

Павель Петровичъ не могъ удержаться отъ смѣха и опустилъ руку съ оружіемъ. Помаленьку труссы пришли въ норму.

— Шмуть! Слушай, Шмуть, зачего жъ ты стоишь, какъ дурная корова, когда панъ офицеръ уже давно не стрѣляетъ?—сказалъ первый поднявшійся съ полу.

Затѣмъ измученный Важинъ приказалъ своимъ милымъ гостямъ, ставшимъ, вдругъ, тихо-послушными забрать Бертю и исчезнуть подобру—поздорову.

Бертю хотѣли нѣкоторые нести на рукахъ, но она сама поднялась на ноги и, шатаясь отъ слабости, тихо вышла впереди всѣхъ.

Оставшись одинъ, молодой человекъ облегченно вздохнулъ, закурилъ, походилъ и взглянулъ на часы. Было сравнительно рано: пока что, можно было вздремнуть и оправиться малость отъ всего пережитаго, а потомъ ужъ идти въ городъ по дѣламъ службы.

Онъ проворно сбросилъ съ себя сапоги и тужурку, прилегъ на кровать, потянулся и только что успѣлъ глазъ съ глазомъ свести, какъ въ номеръ опять ворвалась банда.

— Пускай панъ хоть десять разъ меня застрѣляетъ, пускай сто разъ я помру, но намъ ему нужно все рассказать,—послышался голосъ рябого:—Берта, Берта, скажи намъ скорѣе при панѣ самомъ, кто тебя билъ такъ больно до крови и зачѣмъ?—продолжалъ онъ и толкнулъ Бертю къ кровати.

Берта съ мучительной краской въ лицѣ потупила взоръ и молчала.

— Ну, говори же, глупая дрянъ!

И дядя наградилъ ее изряднымъ пинкомъ.

— Панъ офицеръ... билъ меня...

— Кто? Говори еще разъ, чтобы слышно.

— Господинъ панъ офицеръ.

— Что онъ тебѣ?

— Билъ сильно... до крови...

— Ага! Такъ! А зачѣмъ билъ? Отвѣчай, бѣдная дѣвочка!

Онъ хотѣлъ... панъ хотѣлъ...

Берта съ плачемъ убѣжала изъ номера...

— Ну, да ладно! Мы сами хорошо знаемъ, чего пану хотѣлось,—сказалъ еврей, недовольный бѣгствомъ Берты, послѣ минуты раздумья.—О, какъ мы знаемъ! и пусть не думаетъ офицеръ, что можетъ не слушать насъ больше.

Въ силу какой-то непонятной реакціи въ настроеніи духа, Важинъ казался совершенно спокойнымъ: спустилъ ноги съ постели, еще закурилъ и впервые хладнокровно посмотрѣлъ на бандитовъ.

ГЛАВА X.

Ихъ было всего пять человѣкъ. Кромѣ дяди Берты, Павелъ Петровичъ замѣтилъ между ними еще извѣстныхъ ему: долговязаго возницу, юркаго еврейчика рыжей масти и одного изъ того тріо, что встрѣтило его и говорило съ нимъ у воротъ дома. Пятый былъ незнакомый.

Это былъ невысокаго роста еврей, лѣтъ тридцати, съ длиннымъ блѣднымъ лицомъ и носомъ такихъ необъятныхъ размѣровъ, что содранной съ него кожи, казалось, вполнѣ бы хватило на осузку сапогъ. Онъ держался немного въ сторонѣ отъ собратій, въ манерахъ своихъ былъ, замѣтно, развязнѣе ихъ и одѣтъ былъ по-иному: не въ лапсердакъ, какъ всѣ прочіе, а въ пиджачный костюмъ изъ англійской матеріи въ клѣтку, сшитый когда то по модѣ. Костюмъ былъ сильно поношенъ и имѣлъ на себѣ гораздо большее количество пятенъ, чѣмъ таковыхъ было на нечищенныхъ отъ роду одѣяніяхъ у остальныхъ членовъ банды.

Пикейный жилетъ, напоминавшій цвѣтомъ своимъ самую грязную часть фартука неопрятнаго кашевара въ артели рабочихъ; хомутообразный воротничекъ высотой до заткнутыхъ ватой ушей, изъ-за грязи потерявшій способность дальше грязниться; манжеты—а-ля-голенница смазныхъ сапоговъ; ботинки фасона—выборось—никто не возьметъ; однимъ словомъ, все, на что не взгляни, дѣлало наружность этого франта противной.

Докуривъ папиросу, Павелъ Петровичъ раза два порывался разъяснить и доказать что то евреямъ, но...

— Не хотите слушать, и не надо!—наконецъ, крикнулъ онъ и, завалившись въ постель, завернулся съ головою въ одѣяло.

Такой маневръ съ его стороны страшно поразилъ всю эту публику. Они вразь замолчали и недоумѣвающе переглянулись между собой. Даже дотолѣ храбрѣе другихъ дѣйствовавшаго рябого еврея охватило на время какое то разочарованіе. Теребя бороду, онъ смотрѣлъ въ сторону Важина, и его воспаленные глазки, часто-часто мигая, выгоняли двойную порцію слезъ.

— Ну, какъ же такъ можно?.. Пхе!—развелъ онъ руками и опять замолчалъ.

— Слушайте! — тихо произнесъ онъ и шагнулъ маленькимъ шагомъ впередъ.

— А слушайте!.. Господинъ офицеръ!—уже громче добавилъ еврей и опять шагнулъ.

— Панъ поручникъ, послушайте, что я скажу!

Говорившій подошелъ къ самой кровати и опасно наклонился надъ ней.

— Зачѣмъ же панъ не хочетъ послушать? А?.. Ну, зачѣмъ?..

Никакого отвѣта.

Будто хватаясь за что то горячее, еврей потянулъ двумя пальцами край одѣяла.

— Господинъ офицеръ—панъ поручникъ слушать не хочетъ, такъ, можетъ быть, онъ самъ говорить хочетъ?

Опять ни единого звука.

— Ну, что же панъ тогда хочетъ? А? Слушать онъ не желаетъ, говорить тоже... Не желаетъ ли ваше благородіе, чтобы я говорилъ съ нимъ одинъ потихоньку. А... Всѣ тогда немножко до двери уйдуть.

Важинъ упорно молчалъ.

— И этого пану не надо!.. Вотъ то такъ!.. А-я-яй, что же будетъ тогда?.. Что же будетъ, скажите! Ну-же, скажите, панъ! А?..

Панъ продолжалъ лежать, точно мертвый. Еврей взбѣленился. Кто то изъ публики сказалъ ему что то по-своему.

— Ага, теперь я уже догадался! Теперь ужъ я знаю, что задумалъ господинъ офицеръ между себѣ. Но только пусть помнитъ онъ, что такъ задумывать—скверно для пана. Ай, какъ совсѣмъ скверно! Онъ думаетъ, что мы, какъ глухие дурни, забудемъ про все, уйдемъ и оставимъ пана въ покоѣ. Онъ думаетъ, что послѣ того онъ будетъ надъ нами смѣяться. Смѣяться... Плакать панъ будетъ, а не смѣяться!.. Такую панянку въ такомъ мѣстѣ избить, чтобы она закричала,—нѣтъ, панъ, такъ не можно!.. Не можно потому, что пять цѣлыхъ людей, слышать, какъ кричить Берта.

скоро приходять и всѣми своими глазами глядятъ, какая страшная штука была между вами, какой беспорядокъ вы сдѣлали ей. И всѣ мы: и Мовша, и Янкель, и Шмуль, и другой Шмуль, и я поклянемся всѣмъ, что есть у честныхъ евреевъ святого, хотя бы прахомъ нашихъ отцевъ на томъ свѣтѣ, что мы не покажемъ такъ, чтобы тѣ, которые будутъ судить, повѣрили пану...

— Но намъ пана жалко. Онъ такой офицеръ, такой офицеръ! Такъ умѣеть ходить, такъ умѣеть кричать. И никѣмъ, какъ яснымъ офицеромъ, чтобы всегда ходить въ золотѣ, ему не идетъ быть. И хотѣли мы для него устроить все такъ, чтобы ни самъ панъ полковникъ, ни судъ, ни господа паны офицеры, ни даже другіе евреи и никто не зналъ, какъ было все то, отчего Берта кричала. Но панъ такой гордый, панъ не хочетъ говорить съ нами, панъ мыслить, что мы дураки,—и пусть будетъ гордый, и пусть онъ молчить, и пусть думаетъ, что мы дураки.

— А мы теперь знаемъ, какъ нужно намъ дѣлать. Намъ нужно идти до суда или до пана полковника, командира полка, жалобу подавать, до Берты доктора звать, бумагу отъ него получать, что Берта была не такая панянка...

ГЛАВА XI.

Какъ ужаленный, Важинъ подхватился и спрыгнулъ съ кровати.

— Такъ вы вотъ что задумали, шакалы презрѣнные! Поймай же!!

Павель Петровичъ схватилъ въ руки шашку.

Точь-въ-точь, какъ трусливыя собаченки, испуганныя мѣтко брошенной палкой, евреи кинулись отъ него вразсыпную. Кто то съ шумомъ повалилъ ширмы; рябой ораторъ зацѣпился за нижнюю часть ихъ ногою и всею тяжестью своего дряблага тѣла грохнулся объ полъ.

— Труссы!.. Вѣдь васъ, жалкихъ прохвостовъ, и убивать то противно. Тьфу! пропади вы совсѣмъ!..

Презрительно отплюнулся Павель Петровичъ и бросилъ оружіе въ сторону.

Немного погодя, онъ, не обращая вниманія на евреевъ, подошелъ къ рукомоюнику, освѣжилъ себѣ голову холодной водой и поспѣшно началъ одѣваться.

Евреи о чем то стали между собой совѣщаться.

— Слушай ты, долговязый!—застегивая сюртукъ, подошелъ Павелъ Петровичъ къ возницѣ.

— Ты свободенъ? Можешь меня отвезти?

— А куда панъ поѣхаетъ?

— Все равно, куда прикажу.. Можешь?

Возница нерѣшительно мялся.

— Ну, отвѣчай!

— Что жъ пану отвѣтить?

— Ну, чортъ съ тобой! другого найду.

— Другого?.. Панъ другого найметъ? — глупо переспросилъ долговязый: — Ну, какъ еже ли панъ такъ говорить, то тогда почему же и мнѣ не везти пана?.. Вѣдь лошади все равно такъ отдыхаютъ.

Важинъ не слышалъ его.

— Панъ, слушайте!.. Господинъ офицеръ, я васъ повезу. Куда хотите, туда и поѣхаемъ съ Вами.

— Отлично, отлично!.. Подержи-ка вотъ здѣсь, да потяни за ремень...

Возница сталъ помогать собираться.

— Сейчасъ ты меня повезешь куда нибудь въ другую гостиницу. Понимаешь?

— Хорошо панъ!

— А теперъ подавай лошадей и выноси вещи.

Возница направился къ двери.

— Кто здѣсь хозяинъ? Скольکو съ меня?—уже берясь за пальто спрашивалъ Важинъ.

О, если бы онъ видѣлъ въ то время лица съ грустью молчавшихъ евреевъ! Если бы онъ сумѣлъ по нимъ прочитатъ настроеніе обезкураженной банды!.. Но... молодо—зелено!..

А на сцену ужъ выступилъ во всеоружіи своей наглости франтъ въ пятнистомъ костюмѣ.

— Господинъ офицеръ, разрѣшите мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ,—съ тяжелой для слушателя хрипотой въ голосѣ, обратился онъ къ Павлу Петровичу.

Тотъ молча прошелся по немъ презрительнымъ взглядомъ.

Стараясь держаться какъ можно непринужденнѣе, еврей разставилъ свои ноги, правую руку держалъ онъ за спиною, а лѣвой, забавляясь, перебиралъ грошевыя брелоки на концѣ мѣдной цѣпочки, торчавшей изъ кармана жилета.

— По всему видно,—продолжалъ франтъ:—что вы хотите уѣхать отъ насъ,—но куда? позвольте спросить. Куда этотъ, съ извиненіемъ сказать, дуракъ повезетъ васъ?—онъ указалъ на остановившуюся у двери длинную фигуру возницы.

— А васъ интересуеть? — брезгливо кинулъ Павелъ Петровичъ.

— Что же торчишь здѣсь? Подавай лошадей!

— Нѣтъ, панъ, я не хочу! Мнѣ не можно, — угрюмо сказалъ долговязый.

— Почему?—удивился Павелъ Петровичъ.

— Потому, — опять подхватилъ пятнистый еврей,—что вамъ, собственно говоря, и ѣхать то некуда. Повѣрьте, что здѣсь вы не найдете болѣе приличнаго мѣста, гдѣ бы могъ остановиться порядочный человѣкъ.

— Къ чорту на кулички, въ грязной конурѣ помѣщусь, но не останусь въ этомъ вертепѣ прохвостовъ.

— Ну, а цѣль, цѣль вашего бѣгства, поручикъ?

— Я сказалъ!..

— Ахъ, молодой человѣкъ, какъ вы, однако, наивны! — воскликнулъ еврей и снисходительно растянулъ до ушей свои, точно долгое время лежавшія въ уксусѣ, безкровныя губы:—неужели, убѣгая отъ насъ за два—за три квартала, вы полагаете, что спасетесь? Такъ сказать, окажетесь внѣ сферы нашего вліянія на васъ?

— Сферы вліянія?.. Да вы о чемъ собственно?

— Все о томъ же. Только я хочу, что неясно, разъяснить на болѣе понятномъ вамъ языкѣ. Я хочу, наконецъ, убѣдить васъ, что увильнуть отъ расплаты за свои донъ-жуанскія похождения вамъ не придется. Въ силу чего отбросьте чрезмѣрную щепетильность и выслушайте меня до конца.

— А если я, вмѣсто щепетильности, отброшу чрезмѣрную брезгливость къ вашей поганой персонѣ и за такія слова разобью вдребезги, вашу богомерзскую рожу,—согласитесь вы тогда разъяснять и убѣждать? Ну-те-ка?! Ха-ха-ха!.. Что жъ вы присѣли на корточки? А?.. О, какъ всѣ вы противны! Тьфу!..

Павелъ Петровичъ опять сѣлъ на окно и затянулся нѣсколько разъ папироской.

ГЛАВА XII.

А черезъ пять минутъ тотъ же большеносый еврей извивался передъ ихъ благородіемъ, какъ ни въ чемъ не бывало, упиваясь своей діалектикой.

— Значить, вы не на шутку хотите запугать меня тѣмъ же, что говорилъ мнѣ вотъ тотъ олухъ?

Важинъ кивнулъ на дядю Берты.

— Все онъ васъ не запугиваль. Но только его неумѣнье владѣть языкомъ, его боязнь задѣтъ вашу амбицію и т. д., съ одной стороны, ваша неумѣстная раздражительность, ваше легкое отношеніе къ дѣлу—съ другой—послужили несомнѣнно причиной тому, что вы его не поняли.

— Да почему же вамъ кажется, что я не понялъ его? Я отлично понимаю всю мерзость, всю гадость вашей затѣи. Тьфу, какъ какъ... Мнѣ говорить о ней даже противно.

— Вполнѣ вамъ сочувствую, молодой человѣкъ, потому что говорить—значить вспоминать, а вспоминать про такіе эксперименты человѣку съ горячей натурой...

— Что вы сказали?—не разслышалъ Павелъ Петровичъ.

— Я говорю, что вамъ необходимо про все позабыть и, пока есть время, исправить ошибку.

— Ошибку? какую ошибку, чортъ бы васъ бралъ!

— Ошибку, свойственную тѣмъ изъ любителей прекраснаго пола, которые смотрятъ на женщину, какъ на цвѣтокъ и для которыхъ, чѣмъ этотъ цвѣтокъ свѣжѣе и ближе къ бутону, тѣмъ интереснѣе, чтобы сорвать его, понюхать и бросить, но которые, къ ихъ сожалѣнію, иногда забываютъ, что не всякій цвѣтокъ безъ шиповъ. Глядишь, протянулъ руку, схватилъ—накололся...

Помятый цвѣтокъ остался на вѣткѣ, а рука-то болитъ.

— Да я-то при чемъ здѣсь? Подобной ошибки съ моей стороны не было. Рука у меня не болитъ и не болѣла, хотя она, скажу откровенно, здорово чешется изъ желанія поколотить...

— Вы опять шутите, господинъ офицеръ,—перебилъ Павла Петровича франтъ:—забывая, что такими вещами, какъ невинность черынадцати-лѣтней дѣвушки, шутить далеко не возможно. За такія вещи, молодой человѣкъ, люди по Владиміркѣ путешествуютъ, богатства дальневосточныхъ рудниковъ изучаютъ.

— Ну, и пусть изучаютъ!.. Ужь не думаете ли вы и меня по этой части устроить?—захохоталъ Важинъ.

— Устроимъ.

— Ого!.. Какимъ же манеромъ?

— Очень простымъ. Вамъ уже объяснялъ дядя Берты. Хотя ему не такъ нужно было бы формулировать свою мысль по-русски. Онъ сразу же долженъ былъ бы сыграть съ вами въ открытую: вотъ, дескать, господинъ поручикъ, наши карты, а вотъ—ваши; наши—всѣ козыри, ваши—простыя; желаете спасовать—наши условія состоятъ въ томъ-то и томъ-то, не желаете—судебный слѣдователь, показаніе пяти свидѣтелей-очевидцевъ преступленія, совершеннаго вами, скамья подсудимыхъ, судъ, его приговоръ, а дальше и изученіе рудниковъ.

— Преступленіе? Слѣдователь? Скамья подсудимыхъ? Да вѣдь это жъ—шантажъ! Наглая ложь!—задыхался Павелъ Петровичъ.

— Что можетъ показать подъ присягой цѣлый рядъ постороннихъ для потерпѣвшей свидѣтелей, то называть ложью нельзя,—такъ смотрятъ юристы на это и съ ними законъ, а гдѣ законъ, тамъ и правда,

— Да гдѣ жъ она правда? Гдѣ?! Я самъ любую присягу приму и докажу...

— Ха-ха-ха!..—переливая мокроту въ хрипучей гортани, завизжалъ длиннолицый.

За нимъ сочли нужнымъ похохотать и прочіе члены милой кампаніи.

— А кому же нужна она будетъ?.. Кто повѣритъ вашей присягѣ? Ха-ха-ха!.. какой вы наивный!..

— Ну и публика!—отдуваясь, зашагалъ Важинъ по комнатѣ.

— Въ такомъ случаѣ, скажите, же мнѣ, наконецъ, что вамъ отъ меня нужно? Вѣдь не даромъ же вы измышляете всю эту мерзость. Ну, вотъ ты,—по росту самый маленькій негодяй,—отвѣчай мнѣ откровенно, что тебѣ нужно?—обратился прижатый къ стѣнѣ Павелъ Петровичъ къ юркому еврейчику.

Тотъ удивленно посмотрѣлъ на Павла Петровича, потомъ просительно взглянулъ на дядю, потомъ опять на Павла Петровича и, опустивши глаза долу, ничего не отвѣтилъ.

— Что жъ ты молчишь? Отвѣчай!—волновался Павелъ Петровичъ.

Рыжій еврейчикъ поднесъ къ головѣ лѣвую руку и настойчиво всей пятерней сталъ кого-то преслѣдовать въ волосахъ нижней части затылка.

— Отвѣчай... Какъ отвѣчай?—нѣсколько разъ повторилъ онъ со вздохомъ.

— Я вотъ, панъ, не могу еще знать, какъ насчетъ этого думаютъ всѣ,—немного погодя опять началъ онъ, перенося лѣвую руку отъ головы къ кончику носа. Не знаю, какъ думаетъ Мовша, какъ думаютъ Янкель и Шмуль и другой Янкель съ ними. А разъ кто не знаетъ, какъ думаютъ тѣ, съ кѣмъ онъ дѣло имѣеть, развѣ тотъ можетъ сказать такъ, чтобы у него вышло умно? Нѣтъ, завсегда глупо... Нѣтъ, панъ я не хочу портить гешефтъ!

— Ловко сказано!.. Ну а ты, долговязый, можешь сказать, что тебѣ нужно?

Возница ослабился.

— Сколько хочешь содрать—пять, десять, сто рублей?.. Говори!

— Гм!.. Зачемъ пять? Зачемъ десять? Можетъ быть, мнѣ дадутъ три, а можетъ и двѣсти. Насъ пять людей, а гешефтъ одинъ. И чтобы въ одномъ гешефтѣ всѣ пять по одному хотѣли свое, такъ панъ не можно.

— Господинъ поручикъ, время—деньги!—подходя къ Важину, произнесъ франтъ и съ парикмахерскимъ шикомъ вынулъ и посмотрѣлъ на часы. А потому, чтобы не тратить его понапрасну....

— Вамъ лучше всего убраться отсюда по добру-здорову,—въ тонъ ему добавилъ Павелъ Петровичъ:—Вѣдь экіе гнусные люди! Изводятъ меня сколько часовъ, а чего ради—ни отъ кого не могу толку добиться.

— И не добьетесь, если будете поступать такимъ образомъ. Согласитесь, насъ пять человекъ, Берта—шестая. У всѣхъ аппетиты разные. Удвлетворяютъ каждого въ отдѣльности, при такихъ условіяхъ, вамъ невыгодно, даже невозможно если хотите. Вотъ я, какъ близко знакомый съ этой компаніей и хочу отъ лица всѣхъ объявить вамъ точно и опредѣленно наши условія. Согласитесь ихъ выполнить—все, что произошло здѣсь, будетъ забыто; нѣтъ—нашъ нравственный долгъ передать дѣло суду. !Понятно, изъ чувства гуманности къ вамъ и изъ желанія сохранить незапятнанной честь сироты—Берты, мы искренно хотимъ, чтобы вы приняли наши условія.

— Слушайте, ближе къ дѣлу!.. И, Бога ради, не говорите такихъ порядочныхъ словъ—нравственный долгъ, честь, чувство гуманности,—вѣдь это все-равно, что изъ помойной ямы грязнаго кабака, вдругъ—запахъ фіалки.

— Къ чему же вы опять раздражаетесь?

— Къ тому, что мнѣ хочется поскорѣй узнать, во сколько вы цѣните свое умѣнье обжудить.

— Какъ интеллигентъ душою и тѣломъ, я вполне вхожу въ ваше скверное положеніе, но зачѣмъ же такъ оскорблять?

Утомленный долгимъ стояніемъ, онъ напряженно присѣлъ на край кресла и закурилъ.

— Итакъ, я приступаю къ дѣлу,—сказаль онъ, чувствуя на себѣ нетерпѣливые взгляды Павла Петровича:—Только вы потерпите нѣсколько минутъ, не ругаясь.

— Да ладно—потерплю! Тѣмъ болѣе, что какъ не ругай васъ, жалкихъ шакаловъ, все—какъ съ гуся вода.

— Принимая во вниманіе вашу молодость и неопытность, мы въ своихъ требованіяхъ къ вамъ будемъ, по возможности, справедливы,—продолжалъ фронтъ:—За наше молчаніе вы намъ немедленно должны уплатить сто рублей и Бертъ—объекту вашего преступленія—пятьдесятъ. Итого—сто пятьдесятъ рублей...

ГЛАВА XIII.

На смоченной слюною ладони фронтъ притушилъ свою папиросу и, ловко спустивши окурокъ въ карманъ, окинулъ побѣдоноснымъ взглядомъ разинувшихъ рты прочихъ бандитовъ.

— Сто пятьдесятъ рублей!—воскликнулъ ошпаренный Павелъ Петровичъ:—Да вѣдь это—грабежь, это... Нѣтъ, какъ хотите, а я протестую. Слышите,—протестую, кровопійцы вы гнусные!!.

— Протестуйте, а мы набавимъ еще двадцать пять,—съ солидною разстановкою произнесъ фронтъ и, торжествуя побѣду, опять запалилъ свой окурокъ.

— Янкель, Янкель!.. Какой ты замѣчательный человекъ, Янкель!—тоненькимъ скрипучимъ голоскомъ, вдругъ, жалобно протянулъ рыжій еврейчикъ, все время не спускавшій восторженныхъ глазъ съ носа фронта:—О, если бы мнѣ и всякому изъ бѣдныхъ евреевъ быть такимъ умнымъ всегда, какимъ былъ ты сейчасъ!..

— Полтора ста рублей:... Нѣтъ, вѣдь это только подумать,—твердилъ слабымъ голосомъ Важинъ:—Да, наконецъ, у меня нѣтъ такихъ денегъ, нѣтъ—и достать мнѣ ихъ негдѣ. Красть-я что ли пойду въ самый дѣлѣ?!

— Красть, пхе!.. Къ чему же красть пану? И зачѣмъ панъ такъ говорить?—обратился къ Павлу Петровичу рябой еврей, выходя на средину комнаты.—Развѣ панъ такъ уже бѣденъ?

— Я не бѣденъ, но швырять такими деньгами я не могу—у меня ихъ нѣтъ!

— Панъ, такихъ людей, какіе всегда не имѣютъ столько денегъ, сколько отъ нихъ спрашиваютъ,—ой, какъ много на свѣтѣ! И такъ часто они, эти люди, чтобы дѣлать гешефты, гдѣ нужно платить, платятъ не только тѣмъ, что въ карманѣ сейчасъ, но и тѣмъ, что попадетъ туда послѣ,—разъ они пишутъ и могутъ писать вѣрные векселя. Панъ не имѣетъ такихъ денегъ теперь, но онъ будетъ имѣть ихъ потомъ. Пусть же панъ деньгами, что у него будутъ и расплатится съ нами, и пусть...

— Слушай, Шмуль, ты, вѣрно, совсѣмъ позабылъ, какъ панъ офицеръ ругалъ Янкеля?—перебилъ возница рябого еврея.

— Ну, развѣ можно то позабыть!

— Тогда за чего же тебѣ говорить пану такъ, чтобы опять порядочныя слова были,—вексель, деньги, гешефты? Ой, смотри, какъ бы панъ опять не началъ кричать и ругаться.

— Какой ты дуракъ!—немного подумавъ, обругалъ рябой долговязаго.—Совсѣмъ эти слова для пана не порядочныя. И гешефты, и вексель, и деньги хороши, когда получать надо, а если платить, то это—страшно поганая штука.

Несмотря на то, что Павелъ Петровичъ чувствовалъ себя въ тотъ моментъ изъ рукъ вонъ прескверно, онъ все-таки, слушая разговоръ дяди Берты съ возничей, не могъ удержаться отъ громкаго смѣха.

За компанію съ нимъ захохоталъ и франтъ.

Сдѣлавъ видъ, что нахохотался до слезъ, еврей порѣшилъ, наконецъ, воспользоваться видимой перемѣной, происшедшей въ настроеніи Павла Петровича.

— Ну, каково же будетъ, поручикъ, ваше рѣшеніе?—спросилъ онъ и сталъ протирать свои глаза платкомъ табачнаго цвѣта отъ грязи.

— Противные вы... противные и... жалкіе,— съ разстановкѣ произнесъ Важинъ: — Я не боюсь ничего... Я знаю, что по существу вашъ шантажъ для кого угодно спитъ бѣлыми нитками, но..

Знаете, въ моряхъ живетъ такое животное. {Оно не имѣетъ ни зубовъ острыхъ, ни плавниковъ сильныхъ; холодное, скользкое, слабое, какъ студень, противное тѣло его, само по себѣ, беззащитно, потому что не несетъ на себѣ никакихъ твердыхъ покрововъ. Добычи своей оно не можетъ проглатывать... По-истинѣ, что въ такой пѣгани страшнаго?.. Но не бояться общенія съ нимъ невозможно: все, подходящее для питанія, оно не пропускаетъ,— схватываетъ, запутываетъ своими липкими, цѣпкими ногами и душишь, и сосетъ... Поймите—не съѣдая, сосетъ до конца:..

Я видѣлъ однажды картину, гдѣ нарисованъ человѣкъ во власти такого животнаго.

Если бы художникъ изобразилъ на полотнѣ меня, окруженнаго вами, точно передавъ въ моемъ взглядѣ все, что я сейчасъ чувствую къ вамъ и вложивъ въ ваши движенія, въ выраженія лицъ вашихъ и въ самое положеніе вашихъ фигуръ одно лишь желаніе эксплуатировать меня и если бы это полотно поставить вмѣстѣ съ картиной, видѣнной мною, то обѣ онѣ внушали бы зрителю вполне одинаковое впечатлѣніе: какъ тамъ, такъ и здѣсь—человѣкъ окутанъ чѣмъ-то отвратительно-гадкимъ, скользкимъ и липкимъ, какъ тамъ, такъ и здѣсь—человѣка душатъ существа съ однимъ и тѣмъ же инстинктомъ, сосутъ изъ него соки... Не съѣдая, сосутъ его до конца!..

— Борьба за существованіе, господинъ офицеръ,—вздыхнулъ франтъ, когда Важинъ на моментъ прервалъ свою рѣчь.

— Ха-ха-ха!.. Борьба за существованіе,—досадно засмѣялся Навель Петровичъ и зашагалъ изъ угла въ уголь по номеру.

— Борьба за существованіе... Но вѣдь картина, гдѣ мощный звѣрь, пожирая, разрываетъ на части тѣло охотника, тоже борьба за существованіе; здѣсь также представленъ ужасный конецъ человѣка. А развѣ ее, эту картину, можно по производимому впечатлѣнію поставить наряду съ тѣми двумя? Развѣ когти, глаза, зубы и весь видъ могучаго звѣря могутъ внушать мерзкое отвращеніе, какъ что-то гнусное, липкое, предательски-слабое, что въ жалкомъ безсильи своемъ путаетъ, душишь, сосетъ?..

ГЛАВА XIV.

Кто-то тихо стукнул въ дверь номера.

Одинъ изъ евреевъ пріоткрылъ ее и высунулъ голову въ коридоръ. Кто-то сказалъ ему нѣсколько словъ по-еврейски.

— Панъ поручникъ!—отходя отъ двери, обратился онъ къ Вагину:—господинъ Тетельбаумъ пришелъ.

— Что-о-о?—Важинъ прекратилъ свою рѣчь.

— Къ вамъ, панъ, пришелъ господинъ Тетельбаумъ.

— Те-тель-ба-умъ? — протянулъ удивленный Павелъ Петровичъ:—Это кто жъ такой будетъ?

— О, панъ, это очень замѣчательный человекъ!

— Да что же ему, этому замѣчательному человекъ, отъ меня нужно?

— Ему ничего отъ пана не нужно.

— Ну, въ такомъ разѣ, пошлите его отъ меня къ чорту.

Красные глазки рябого еврея испуганно перестали мигать.

— Къ чорту? . Господина Тетельбаума къ черту? А какъ же будетъ панъ насчетъ денегъ тогда?

— Насчетъ денегъ? Насчетъ какихъ денегъ?..

— Какія нужны пану, чтобы заплатить намъ.

— Тьфу, чертовщина! При чемъ же здѣсь Тетельбаумъ какой-то?!

— При томъ, панъ, что онъ знаетъ, какъ нужны вамъ теперь деньги и хочетъ дать сколько угодно рублей.

— Однако, у васъ здѣсь, значить, кромѣ прохвостовъ и колдуны попадаются.

— Колдуны? — переспросилъ дядя Берты: — Я не понимаю, панъ,—колдуны...

— Вашъ Тетельбаумъ, не иначе, какъ колдунъ,—онъ у васъ съ самимъ дьяволомъ въ дружбѣ. Понимаешь?

— Ай, панъ, зачѣмъ же такъ можно про честнаго еврея сказать!

— А какъ же онъ заявился сюда, откуда онъ знаетъ, что я вахожусь здѣсь и что мнѣ нужны деньги?

— О, панъ, господинъ Тетельбаумъ совсѣмъ недалеко отсюда живетъ,—къ нему сбѣгала Берта. Я зналъ, что панъ не пожалѣетъ мнѣ, бѣдному еврею, дать какихъ-нибудь пять рублей за комисію и послалъ за нимъ поскорѣй.

Павель Петровичъ развелъ лишь руками.

Минуть черезъ двадцать, молодой офицеръ кнулся на вексельномъ бланкѣ подъ своимъ обязательству на двѣсти рублей за взятые у него ст. которые, вмѣстѣ съ четвертнымъ, оставшимся въ б. роженномъ Вовочкой, пошли на уплату евреямъ думанный ими шантажъ.

И какимъ-то особеннымъ вышелъ росчеркъ героя: в. сиваго слова и смѣлыхъ зигзаговъ, получился рядъ поша. буквъ, а подъ ними кривая робкая линія... въ родѣ петл. Петли... первой.

Мванъ Межебыхъ.

